

УДК 130.2:391(470.345)

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАКОВОЙ ПРИРОДЫ КОСТЮМА МОРДВЫ

Т.А. Шигурова

Институт национальной культуры при Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева, г. Саранск
E-mail shigurova_tatyana@mail.ru

Обосновывается необходимость комплексного, интегрированного подхода к национальному костюму мордвы как системе знаков, тесно связанных и взаимодействующих друг с другом. Доказывается, что адекватная интерпретация знаковой системы одежды является важнейшим условием узнавания, сближения и взаимного уважения разных этносов.

Ключевые слова:

Этнокультура, мордовский костюм, знаковая система.

Key words:

Culture, transformation, Mordvin suit, a sign system. На латинице

Межнациональные отношения представляют собой, как известно, весьма тонкую и деликатную материю, адекватное восприятие которой во многом зависит от знания культуры разных народов. Особую значимость приобретает взаимопонимание самих этносов, сбалансированность их общих понятий, целей и идей. Как отмечает А.С. Мыльников, «именно с культуры начинаются отношения, духовное общение людей и народов, взаимное узнавание, сближение, понимание и сотрудничество между людьми. Лишь после этого развиваются и торговые, экономические и другие отношения» [1. С. 4]. При этом архиважно учитывать своеобразие культуры этноса, проявляющееся, по выражению Н.И. Ворониной, «в особенностях пищи, одежды, фольклора, народного творчества. В ней выражается вековой народный опыт жизни и рационального хозяйства» [2. С. 73]. Каждое неверное толкование понятий, смыслов, ценностей, ошибочная репрезентация явлений или артефактов могут оказаться оскорбительными для этноса или его конкретного представителя. В истории межнациональных отношений известно немало фактов искажений такого рода. Так, неправильное изображение «китайской жизни в балете Р.М. Глиера «Красный мак» вызвало негативную эмоциональную реакцию у китайской делегации [1. С. 4].

С возмущением воспринял известный мордовский ученый-просветитель М.Е. Евсевьев то, что в этнографическом отделе Румянцевского музея «плохо одетые манекены имели вид огородных пугал» [3. С. 487]. Исследователь сообщал о наблюдаемых им негативных эмоциях, которые выражали «многие приволжские инородцы... по поводу того, что их национальные костюмы представлены в безобразном виде и тем давали невыгодное представление об их племени» [3. С. 487]. Если досадные искажения в подаче материальных артефактов культуры наблюдались в конце XIX в., то есть в период реального функционирования элементов и атрибутов этнокультуры, то степень смещения акцентов в трансляции конкретных форм исторического поля прошлого в настоящее время может быть значительно больше. Реальность такова, что,

например, традиционная одежда середины XIX – начала XX вв. мордвы мокши и эрзи остается загадкой для современного молодого поколения, которому отнюдь не близка народная эстетика, не привлекательна декоративность и оригинальность мордовского костюма. Редкие знатоки могут правильно сформировать комплекс традиционного костюма, объяснить назначение и расположение на стане отдельных элементов, интерпретировать текст этнической культуры.

Традиционный мордовский костюм как важная составная часть национальной культуры был объектом изучения разных наук – археологии, этнографии, искусствоведения. Между тем системное, концептуальное осмысление феномена костюма мордвы в аспектах его генезиса, эволюции, структуры и функционирования до сих пор отсутствует. Очевидно, что именно визуальный образ национального мордовского костюма является наиболее привлекательным объектом внимания на рубеже XX–XXI вв. со стороны как творческой интеллигенции, так и государственных организаций Республики Мордовии. К нему регулярно обращаются многие художники-модельеры Мордовии, рассматривающие народный опыт создания одежды и украшений в качестве ценного источника индивидуального творчества.

Необходимо отметить и использование элементов мордовского традиционного костюма в качестве этнокультурных маркеров в государственной символике. Примечательны в этом плане изображения нагрудного украшения гривна в гербе Республики Мордовия и орнаментальной звезды на республиканском государственном флаге. Мордовский женский костюм поражает сложностью изготовления, обилием разнообразных деталей, наконец, уровнем мастерства неграмотной крестьянки. Он очаровывает нас силой, «мощностью» образа, жизнерадостностью колорита, мелодичностью звучания.

Каждый предмет одежды мордовского этноса, будучи создан в результате целенаправленной деятельности человека, имеет жизненный цикл, включающий ряд ступеней: планирование – проектиро-

вание – производство – обслуживание – потребление. Комплексный, системный подход к мордовскому костюму позволяет интерпретировать его как сложную систему, допускающую рассмотрение в трех плоскостях – структурной, исторической и функциональной. При этом особый акцент должен делаться на проблему человека. Ю.М. Лотман, как известно, считал, что культура любого народа являет собой сложно устроенный текст [4. С. 72]. Костюм мордовского народа в этом смысле не исключение: перед нами тоже текст, который имеет знаковую природу. Составляющие костюма мордвы – это система знаков, тесно связанных и взаимодействующих друг с другом. Сюда входят: композиция, материал, крой, структура, колорит, орнамент, вышивка, украшение, звуки. Упоминания о знаковой природе мордовской одежды встречаются в исследованиях Н.И. Гаген-Торн, Г.А. Корнишиной, А.С. Лузгина, В.И. Рогачева [5–7]. Вместе с тем комплексное, многоаспектное исследование системы знаков костюма мордвы до сих пор отсутствует, составляя одну из насущных задач современной культурологии.

Научную объективность и достоверность в изучении национального костюма способен обеспечить системный, интегративный подход к данному культурному артефакту. Методологической базой для исследования следует признать структурно-деятельностную концепцию культуры (М.С. Каган, Э.С. Маркарян) и информационно-семиотический подход, представленный в работах таких ученых, как Ю.М. Лотман, Х. Гадамер, Э. Кассирер, А. Моль, Л. Уайт.

Знаки традиционного костюма связаны между собой отношениями одновременности, фиксируемыми в сознании носителя костюма или интерпретатора костюмного текста. Время постепенно отдаляет современную культуру от традиций прошлого, происходит «расслоение» культуры этноса и возрастание степени непонимания «архивной» культуры, неактуальной для современности. Сложный путь постижения истинного содержания знака требует специальных знаний о традиционно-бытовой культуре народа. Только предварительная серьезная подготовка позволяет исследователю услышать монолог вещи: «тысячами голосов, она рассказывает нам о своем месте в мире, о своем отношении к нам и к другим вещам, о своем возникновении, о своей истории, о своем культурном прошлом, настоящем и будущем» [8. С. 37]. Ответственность за сохранение материальных и духовных ценностей с целью передачи их последующим поколениям в современной культуре возложена на этническую элиту. «Именно ей принадлежит главная роль в интерпретации «текста традиционной этнической культуры». Во многом от ее подхода к интерпретации текста зависит современное и будущее состояние культуры этноса» [9. С. 111].

Визуальная и смысловая стороны знака определены природой национального костюма, в то время как его свойства не зависят от реальных качеств

предмета. Так, например, уже на стадии производства конопляный холст становился знаком реальной производственной деятельности человека. По его качеству оценивались умение девушки ткать, а также степень ее готовности к замужеству. Бытовало объяснение сновидения: «Девушка полотно ткёт – в текущем году замуж выйдет». Холст выполнял роль знака, стимулирующего деятельность мордовского общества. Социальная значимость материального обеспечения семьи одеждой, а следовательно, и защита здоровья требовали поддержания механизмов передачи ценного опыта. Во время календарных праздников ряженые приходили в дом. Они требовали показать сотканное и в соответствии с его качеством и количеством могли хвалить или ругать, осмеивать девушку, и даже валять ее в снегу. Таким образом, холст выступал в качестве знака, который брал на себя роль ориентира для действий ряженых, отражающих общественное мнение, а также – стимула, регулятора поведения самой девушки. Знак традиционного мордовского костюма обладал признаком устойчивости, что было обусловлено бытованием традиций крестьянского общества.

Историко-культурологическое осмысление костюма мордвы в аспекте его знаковой природы возможно лишь при комплексном, интегративном подходе к изучению особенностей народа, его национального своеобразия, включая историю, фольклор, бытовую культуру в нерасторжимой цельности «как особую систему взаимоотношений элементов» [10. С. 12]. Знаковая система традиционного мордовского костюма тесно связана с мировоззрением этноса, со всей системой социальных отношений общества.

Визуально-звуковые образы костюма мокши и эрзи не раз служили косвенным подтверждением достоверности ряда теоретических установок и гипотез ученых, занимающихся исследованием этнической истории и культуры мордовского народа. Как метко подмечено Ю.М. Лотманом, «память человека, вступающего в контакт с текстом, можно рассматривать как сложный текст, контакт с которым приводит к творческим изменениям в информационной цепи» [11. С. 146]. Прекрасным образцом научной интерпретации эрзянского костюма, меняющей наши былые представления об артефактах, истоках национальной культуры, служит, в частности, работа П.Д. Степанова «Древняя история мордвы-эрзи», в которой обстоятельно и наглядно проводятся параллели между формами вещей, относимых к рязанским могильникам, памятникам муромского течения Оки (междуречья Оки и Клязьмы) V–VI вв., эрзянским древностям IX–XI вв. и этнографическим материалам женского костюма мордвы XIX в.

Большой практический опыт археолога и этнографа, серьезная научная база позволили автору сделать решительный и смелый шаг в прошлое мордовской культуры. Исследователь по-новому взглянул на разрозненные факты, систематизиро-

вал их, выстроив в единую схему «непрерывного хода исторического процесса у мордвы-мокши и мордвы-эрзи». В итоге определилась хронология «расположения древнемордовских памятников, сохраняющих известную преемственность вещевого материала и похоронной обрядности» [12. С. 56]. В настоящее время считается общепризнанным, что мурома принимала участие в этногенезе мордовского народа. Память традиционного женского костюма говорит нам о сходстве эрзянской поясной одежды «пулай» с муромскими поясными украшениями, «конструктивная близость наблюдается и между эрзянскими, и муромскими головными уборами [13. С. 19]. В.Н. Мартынов и Д.Т. Надькин, сравнивая парные кистевые ленты, обнаруженные в области груди погребенных, с аналогичными мокшанскими украшениями «ярмак-пилькс» и «горожань-крганя», считали «их устройство и способ ношения» идентичными [14. С. 103].

Сложная знаковая система мордовского костюма, благодаря своей устойчивости, несет отпечаток историко-культурной среды, особенностей развития культуры и через столетия сохраняет отношение к переживаемым событиям и окружающему миру. Культурный смысл визуального знака запечатлен повторением формы женских головных уборов, манеры ношения рубахи, места расположения и декора украшений, которые связующей нитью скрепляют прошлое и настоящее этнокультуры мордвы. Материалы костюма активно использовались В.Н. Белицер при исследовании вопросов этнокультурных взаимоотношений мордвы с соседними народами [15], а Н.Ф. Мокшиным – при разработке проблемы этногенеза мордвы [16]. Т.А. Крюкова в работе о мордовском декоративном искусстве основное внимание уделяет ornamentации народного костюма [17].

Особо следует отметить исследования Н.Ф. Беляевой и Т.П. Федянович, в которых анализ разных аспектов обрядовой культуры народа проводится с опорой на этнический костюм как на достовер-

ный исторический источник [18; 19]. Древние шумящие мордовские украшения рассматриваются Н.И. Бояркиным и Л.Б. Бояркиной в качестве источников звука класса идиофонов народных музыкальных инструментов [20]. Отражение в национальном костюме имущественно-правового положения мордовской женщины показано в исследовании О.Ю. Булычевой [21]. Необходимо упомянуть и работу А.Г. Бурнаева, который выявил функции элементов национального костюма в мордовском танце [22]. Богатство информационного потенциала традиционного мордовского костюма обнаруживается в контексте, манифестирующем три смысловые константы. *Во-первых*, это знания о культуре, актуализирующие информацию о ценностях, нормах; представления о мире. *Во-вторых*, костюм содержит сведения об этносе, отдельных его социальных группах, их функционировании и внутреннем взаимодействии. *В-третьих*, в традиционном мордовском костюме ярко представлена разнотипная характеристика самого его носителя.

При использовании знаковой системы костюма важно адекватно «прочитывать» текст, точно определять главную мысль, идею, доминанту содержания в том или ином источнике информации. Ю.М. Лотман квалифицировал как «ошибку» те интерпретации текста, в которых между сообщением отправителя и информацией, полученной адресатом, существуют различия [4. С. 157]. Осмысление знаковой природы текста со временем может претерпеть трансформацию, что и обуславливает иное, новое, прочтение текста. Что касается текста традиционного мордовского костюма, то залогом верного понимания его семантики являются глубокие знания о традиционно-бытовой культуре народа. Только при наличии хорошей предварительной подготовки этот текст из пассивного носителя смысла превращается в динамическое, внутренне противоречивое явление. Главная роль в интерпретации «текста традиционной культуры народа» принадлежит этнической элите.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мыльников А.С. От редактора // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Сб. статей / отв. ред. А.С. Мыльников. – Л.: Наука, 1989. – С. 4–6.
2. Воронина Н.И. Теоретическая культурология. – Саранск, 2006. – 228 с.
3. Евсеев М.Е. Избранные труды: В 5 т. Т. 5. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. – 553 с.
4. Лотман Ю.М. Семносфера. – СПб.: Искусство, 2001. – 704 с.
5. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья: Материалы к этногенезу. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. – 228 с.
6. Корнишина Г.А. Знаковые функции народной одежды мордвы. – Саранск, 2002. – 70 с.
7. Лузгин А.С., Рогачев В.И. Осмысление традиций орнаментальных мотивов мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. – 88 с.
8. Габричевский А.Г. Язык вещей // Морфология искусства. – М.: Аграф, 2002. – С. 31–39.
9. Инкижекова М.С. Культурфилософский анализ этнокультурной динамики // Обсерватория культуры. – 2010. – № 3. – С. 107–111.
10. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. – М.: Академический Проект, 2007. – 511 с.
11. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах: Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.
12. Степанов П.Д. Древняя история мордвы-эрзи // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Тр. Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории, экономики. Вып. 39. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1970. – С. 26–66.
13. Мордва: Историко-этнографические очерки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – 334 с.
14. Мартынов В.Н., Надькин Д.Т. Об этнической принадлежности населения рязанского и муромского Поочья I тыс. н. э. // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Тр. Мордовского научно-исследовательского инсти-

- тута языка, литературы, истории, экономики. Вып. 63. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. – С. 103–133.
15. Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. – М.: Наука, 1973. – 215 с.
 16. Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. – 160 с.
 17. Крюкова Т.А. Мордовское народное изобразительное искусство. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. – 119 с.
 18. Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. – Саранск: Б. и., 2000. – 262 с.
 19. Федянович Т.П. Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка (конец XIX – 70-е г. XX в.) // Советская этнография. – 1979. – № 2. – С. 79–89.
 20. Бояркин Н.И., Бояркина Л.Б. Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / под ред. Б.А. Рыбакова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – С. 736–738.
 21. Бульчева О.Ю. Положение мордовской женщины в семье и обществе в конце XIX – 30-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2008. – 23 с.
 22. Бурнаев А. Г. Мордовский танец (история, методика, практика). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – 230 с.

Поступила 04.04.2011 г.

УДК 930.22

ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА ДОКУМЕНТОВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.А. Стефановская, Е.В. Кривошапова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
E-mail: stefan1966@mail.ru

Представлена законотворческая деятельность как форма документоведческой деятельности. Выделены этапы документирования процесса подготовки и принятия законодательных актов в Российской Федерации. Предложен авторский вариант комплекса и параметров документации, применяемых в процессе осуществления законотворческой деятельности на каждом этапе.

Ключевые слова:

Законотворчество, органы власти, документы.

Key words:

Creation of law, organ of power, document.

Законотворчество как одно из важнейших направлений государственной деятельности может быть представлено, с одной стороны, как юридическая деятельность, суть которой в закреплении воли определенной достаточно многочисленной группы людей в форме норм права, законов [1]. С другой стороны, создание законодательных актов – это создание определенного вида документов, т. е. одна из форм осуществления документоведческой деятельности. И с этой стороны ее изучение носит недостаточный характер. Данная статья и предназначена отчасти для решения обозначенной проблемы.

В понимании законотворчества специалистами выделяется два аспекта. Более широкий подход предполагает, что этот процесс начинается с момента законотворческого замысла и завершается практической реализацией юридической нормы (подготовка, принятие, опубликование и т. д.). Более узкая трактовка ограничивает законотворческую деятельность только непосредственным процессом создания правового акта как документа уполномоченными органами [2]. В рамках документоведческого подхода мы будем опираться на более широкую трактовку и рассмотрим процесс создания закона от его замысла до официального опубликования в печати.

Создание тех или иных официальных документов является функцией определенных органов управления. Так, в России, согласно Конституции, законотворческая деятельность может осуществляться высшими органами государственной власти; субъектами федерации – республиками, краями и областями, городами федерального значения – Москвой и Санкт-Петербургом, а также через проведение референдума как непосредственного выражения власти народа.

Законотворческий процесс как особый вид документоведческой деятельности сложный, многоэтапный процесс, который жестко регламентируется различными инструкциями, правилами, определяющими последовательность действий по документированию процедур подготовки проекта, обсуждения и принятия новой юридической нормы, поскольку качество законодательных актов зависит, в том числе, и от единообразия их оформления. Например, выделяется ряд требований к наименованию законодательного акта: точность, четкость, информационная насыщенность, правильность формулировки предмета правового регулирования [3]. Эти требования направлены на то, чтобы в дальнейшем облегчить работу исполнителей с правовыми документами – их поиск, определение основного содержания.